

КРЕСТЬЯНСКІЯ ИГРЫ И СВАДЬБЫ

ВЪ ЯНГОСОРЪ

ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА.

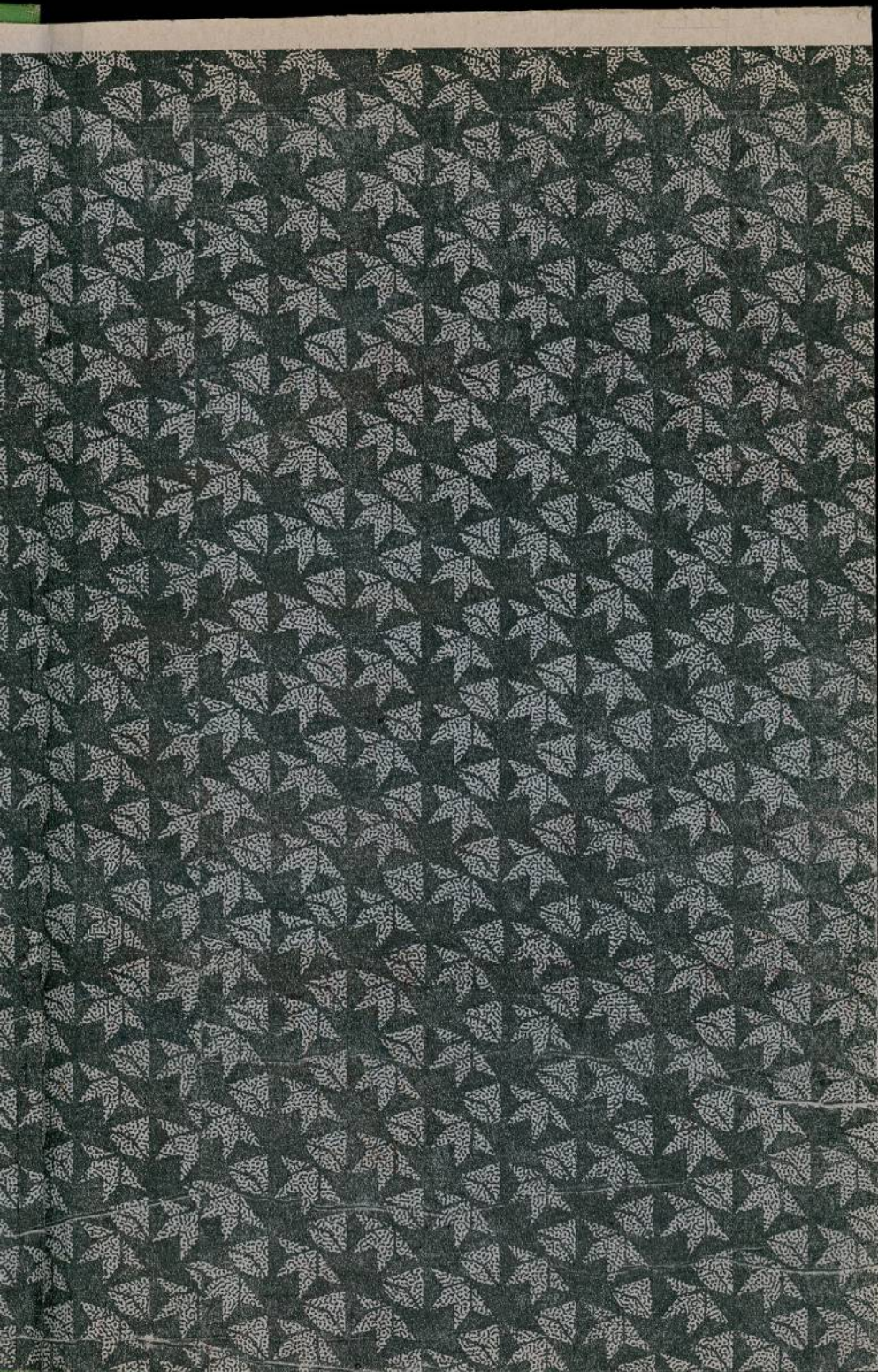
БЫТОВОЙ ЭТЮДЪ

Ф. А. АРСЕНЬЕВА.

1879 Г.

Печ. въ типогр. Вологод. Губ. Правленія.

342 (44.21/04)

КРЕСТЬЯНСКІЯ ИГРЫ И СВАДЬБЫ

ВЪ ЯНГОСОРѢ

ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА.

103 201.

—♦—

БЫТОВОЙ ЭТЮДЪ

Ф. А. АРСЕНЬЕВА.

1879 Г.

Печ. въ типогр. Вологод. Губ. Правленія.

45

39

+ "Вологодъ" В 68

A 85

ВЛАДИМИРЪ И СВАТОВЕРЪ

85 ЯНУАРИЯ

ВОЛОГОДСКАЯ ГУБЕРНІЯ

Печатано съ разрѣшенія Г. Начальника Вологодской губерніи.

9
2
9

ВЛАДИМИРЪ И СВАТОВЕРЪ

ВЛАДИМИРЪ И СВАТОВЕРЪ

1878

ВЛАДИМИРЪ И СВАТОВЕРЪ

КРЕСТЬЯНСКІЯ ИГРЫ И СВАДЬБЫ

ВЪ ЯНГОСОРЬ,

Вологодскаго уѣзда.

(Бытовой этюдъ).

I.

З А Я Н Ъ К А.

Деревня Лебедка стоитъ на крутомъ берегу рѣчки Землянки. По какой причинѣ деревня называется Лебедкой—объясняютъ разнo: говорятъ, будто, на мѣстѣ ея въ недавнее время былъ пустырь, на которомъ барскою властью, когда она была еще могучая и всеисильная, поселенъ былъ и обкрестыяненъ дворовый человѣкъ, гнѣвъ на себя навлекшій и въ гнѣвѣ обвѣнчанный тою-же несокрушимою властью на желательной особѣ барина, красивой и пышной—что тебѣ лебедь бѣлая. Въ минуты сластолюбивой нѣжности лебедкой звалъ ее баринъ, а по барину лебедкой звала и дворня, лебедкой звала барщина и округа. И поселокъ отъ ея прозвища стали называть *Лебедкой*. Говорятъ и другое: поселилъ гнѣвный баринъ пару своихъ дворовыхъ на пустырь; не родился въ первые годы на этомъ пустырь хлѣбъ, а глушила его все лебеда, оттуда и деревня *Лебедка*.

А рѣчка? что это за рѣчка Землянка? откуда это ей такое названіе, совсѣмъ не подходящее, несообразное? Объяс-

няютъ разно: говорятъ — по береговымъ скатамъ этой рѣчки, въ густой травѣ, много растеть землянки, крупной и сочной — отъ того и рѣчка *Землянка*. Говорятъ и другое: въ весенніе разливы, когда рѣчка наполнится водой, отъ бѣгущихъ въ нее ручьевъ и потоковъ, съ необыкновенною быстротою несетъ она свои волны, бушуетъ и пѣнится, сильными приboями хлещетъ въ береговыя отсыпи и вывертываетъ въ нихъ глубокія пазухи, какъ-бы на подобіе пещеръ, или копанныхъ *землянокъ*, потому и рѣчка слыветъ въ народѣ *Землянкой*.

Преинтересная эта рѣчка: мѣстами течетъ она въ крутыхъ обрывахъ, мѣстами разбѣгается по широкому лугу и вертится и вправо и влѣво, и взадъ и впередъ, вырѣзывая мысы, излучины и косы. То журчитъ она по камышкамъ, нѣжно ихъ лаская, вѣчно напѣвая имъ однообразную, мелодическую пѣню; то покойно уляжется въ глубокой черной омутъ, обросшій около береговъ высокимъ ситовникомъ, затянутый широколиственными лопухами. И хранять мрачную тишину этого омута старыя ракиты и кужлявыя березы, низко, по самую воду, свѣсившія свои косматыя вѣтви. Привольно и безопасно жируютъ въ этихъ омутахъ крупныя головы и щуки. Рыбиста, дужо рыбиста, рѣчка Землянка, даромъ, что неизвѣстна не только въ русской географіи, но не значится и на уѣздной картѣ.

Деревня Лебедка нынѣ домовъ около десятка будетъ и живутъ въ ней мужички исправно: хлѣбъ уже не глунится лебедой, а родится на удобренныхъ поляхъ хорошо; ленъ на подѣлкахъ сѣется въ значительномъ количествѣ; сѣна накапывается много съ богатыхъ луговъ по мысамъ Землянки; выгоны изрядные: много крестьяне коровъ держать, много бабы молока таскаютъ на сосѣдній сырный заводъ; одно скверно, что очень ужъ онѣ заразились этимъ промысломъ: молочишка ребятишкамъ ничего не оставляютъ: голодаетъ безштатная мелюзга на одномъ сучофденіи.

И что это за красивыя мѣста около Лебедки; вырисовывается передъ ней Землянка такіе затѣйливыя ландшафты, что не налюбуешься ими вдосталь: то отвѣсною стѣною поднимется надъ рѣчкою береговая отсыпь какъ скала, то постепеннымъ склономъ сбѣгаетъ къ ней угоръ, и по этому угору, какъ мерлушка, кудрявится раkitникъ; мѣстами глубокіе озраги разсѣкаютъ берегъ на отдѣльныя холмистыя части, поросшія частенькимъ лѣскомъ; а тамъ, ниже, на поворотѣ, долина ровная, травянистая; въ двадцати разныхъ мѣстахъ серебрится вьющаяся по ней рѣчка. За долиною снова высокій крутояръ, а на немъ большое торговое село съ двумя каменными церквами.

Одинъ изъ высокихъ холмовъ, какъ разъ противъ Лебедки, за рѣчкою, называется „Волчьимъ Лѣбомъ“. Распре-чудесное это мѣсто: на самомъ взлобкѣ—площадка; видна съ нея неоглядная даль на безконечное пространство; съ рѣютъ въ этомъ пространствѣ села и деревни, бѣлѣютъ храмы божіи, зеленѣютъ луга и поля, а подъ глубокимъ горизонтомъ черною массою растилается дремучій лѣсъ. По скатамъ холма-мелкій лѣсокъ, такой тѣнистый, такой укром-ный и молчаливый притомъ: ни шопотомъ листьевъ, ни шелестомъ вѣтвей не выдастъ тайнъ, совершающихся въ его чащахъ.

По воскресеньямъ и праздникамъ, начиная съ теплыхъ майскихъ дней, устраиваются на „Волчьемъ Лѣбѣ“ крестьянскія гулянки, которыя и продолжаются до начала сѣно-коса. Часовъ около пяти пополудни собираются околь-ными путями, по лѣснымъ дорожкамъ и тропамъ, деревенскіе молодцы, *игровые* парни. Разодѣты они что ни на-есть въ лучшую одежду: сибирки, визитки, пальта, жи-леты со стеклянными блестящими пуговками, сапоги съ кисточками и съ напускомъ, въ калошахъ, картузы съ пряжками на околышахъ, у богатыхъ—часы съ бронзо-выми цѣпочками—составляютъ въ костюмахъ современной крестьянской молодежи *форсъ* первый сортъ. Почти у

каждаго гармоника. Соберутся парни на Волчій Лобъ и грянуть подъ звуки народнаго инструмента какую нибудь разудалую пѣсню.

Слышите-ли вы это, красныя дѣвицы? Слушайте, слушайте!

Парни поютъ:

Разухаживаль, ухорашиваль,
Отъ сѣраго волка, отъ лютаго звѣря
Обораниваль.

Кого люблю—погулять зову,
Кого не люблю, того не зову,
Кому тошно по насъ,
Тотъ не бѣгаетъ отъ насъ,
Кому не тошно,
Идти не пошто...

И вотъ видишь—замелькали тамъ и сямъ красныя, бѣлыя, зеленые платочки; потянулись изъ разныхъ мѣстъ, тѣми же окольными тропами, дѣвушки, то по двѣ, то и толпою на призывные голоса.

«Тетерева—косачи, рано утромъ, до солнечнаго восхода, похватавъ кое-какъ корма (видио и птицѣ не до пищи когда любовь на умѣ) вылетаютъ на ранѣе избранное токовище, всегда удобное для любовныхъ подвиговъ. Это бываетъ или чистая полянка въ лѣсу, или лугъ между деревьевъ, преимущественно на пригоркѣ. Такое мѣсто тетеревиного весенняго слета называется *токомъ*. Сюда слетаются сперва косачи, начинаютъ горячо бормотать, и ненапрасно оглашается окрестность призывами самцовъ: курочки уже прислушались къ нимъ и начинаютъ прилетать на тока» (*).

Не тоже ли токовище—нашъ Волчій Лобъ, и не тотъ ли же токъ—призывная пѣсня молодцовъ, распѣваемая подъ звуки гармоника для приманки дѣвушекъ.

(*) С. Т. Аксаковъ—«Записки Оренбургскаго охотника».

Одинъ изъ самыхъ игровыхъ парней, неизмѣнно посѣщающихъ Волчій Лобъ, былъ Ванюха изъ Лебедки, Наумовъ сынъ, парень ражій, кровь съ молокомъ, мастеръ на всякія пѣсни, великій искусникъ водить „заяньку“.

Одна изъ самыхъ видныхъ дѣвушекъ—Даша, бобылкина дочка изъ той же деревни; дѣвушка бѣдная, но красавица: росту и дородства въ ней много; цвѣтушая, розовая молодость такъ и пышетъ въ ея лицѣ и осанкѣ: Волга-дѣвка.

Ванюха и Даша давно любятъ другъ другу; давно говорятся между ними ласковыя слова и пѣжныя рѣчи.

Собрались парни, поздоровались съ дѣвушками за руку: новый обычай, заимствованный крестьянствомъ изъ цивилизованной среды. Тоже заимствованіе видно и въ костюмахъ: дѣвушки въ Янгосарѣ уже не носятъ сарафановъ: платья и кофты вошли между ними во всеобщее употребленіе, хотя вовсе не согласуются съ ихъ лишенными стройности фигурами.

До начала игры дѣвушки расхаживаютъ по зеленому лужку парами съ парнями, которые поютъ!

Парень—молодецъ гуляетъ,

Пару коней выбираетъ,

Кони — кони вороные,

Узды — узды золотныя.

Сдогадался, едобирался

Удалой ли молодецъ;

Приласкался, принимался

За душу—красну дѣвицу:

Будто я красна дѣвица

Шелкомъ брать не разумѣю.

Не укажешь мнѣ,

Не навяжешь мнѣ;

Укажу, навяжу,

Шелкомъ шить научу!

Другая пара постъ:

Дѣвка улкомъ шла,
Переулкомъ шла,
Клубокъ нитокъ нашла;
Клубокъ катится,
Нитка тянется;
Нитка дольше всѣхъ
Перевертовъ шесть;
Я за ниточку взялась,
Моя нитка сорвалась.

Въ сторонкѣ слышится третья пѣсня:

Я ушелъ, я увелъ,
На мнѣ нечего взять,
Я не здѣшній зять;
Я не записи писалъ,
Я за печку убѣжалъ;
Съ тараканами дрался
Расцарапался!

Пока провѣтривались парочки прогулкою, подошло еще нѣсколько дѣвушекъ. Снова сошлись всѣ вмѣстѣ.

— Пора *заянку* начинать, закричалъ кто-то изъ толпы; заводи Дашуха!

Вы раздайтесь, растунитесь,
Добрые люди!

Запѣла красавица Даша и поплыла павой. Толпа раздалась; парни съ дѣвушками, ставши въ кругъ, подхватили:

Ахъ ты младъ соловей:
По моложе соловей,
Соловейко!

Не летай соловей,
Не летай молодой
На край долины;
Ты не вей гнѣзда

Не совей гнѣзда

На осинѣ!

Ты совей соловей,

Ты совей молодой

При теремѣ!

При теремѣ, теремочкѣ

Сидѣла дѣвочка;

Дѣвка шила коверъ

Шила вышивала;

Шивучи красна дѣвица

Рѣчь говорила:

Что кому этотъ коверъ,

Что кому этотъ новой

Достается?

Достался коверъ,

Доставался коверъ

Старому мужу,

Старому мужу негодю

Все злодѣю.

Я могу этотъ коверъ,

Я могу этотъ новой

Прибавить;

Я со всѣхъ со сторонъ,

Я со всѣхъ съ четырехъ

По узору.

Шито-браному узору

Все по золотому.

Подарю этотъ коверъ

Своему милому,

Дружку сердечному.

Я за этотъ за коверъ,

Я за этотъ за новой

Разикъ поцѣлю,

Красавицу милую.

Во время пѣнія участвующие въ игрѣ выдѣлываютъ

разные фигуры, въ родѣ французской кадрили; кружатся, вертятся и затѣмъ послѣ каждой пѣсни цѣлуются. Гармоника не умолкаетъ.

Ванюха Наумовъ выплясывалъ съ Дашей, откалывая самыя бойкія колѣна, самыя трудныя фигуры.

— „Ахъ, бѣдятъ его мухи съ комарами! одобрительно выкрикивали молодцы и дружно пѣли, поддѣигрывая на гармоникѣ:

Зайка бѣленькій,

Ушки долгонькія,

Ножки коротенькія;

Зайка въ сторону вскочилъ

Хмѣлю-солоду купилъ.

Онъ въ другую вскочилъ —

И глаза искосилъ:

Тамъ рѣка глубока,

Рѣка тиновата

И рябиновата!

Что рябинушка часта,

Цѣлуй дѣвушку въ уста.

Цѣлуются.

Посѣяли дѣвки ленъ,

Посѣявши — пололи,

Ходи браво — пололи;

Бѣлы ручки кололи

Кололи, кололи!

Повадился воръ въ ленокъ,

Въ длинный тонкій во ленокъ;

Иванушка паренекъ

Бѣлый парень, паренекъ;

Весь длинный ленъ притопталъ,

Ходи браво — притопталъ;

Со льну цвѣты сорывалъ,

Цвѣты рвалъ — сорывалъ;

Вѣнокъ себѣ совивалъ,

На головку надѣвалъ,
Красну дѣвку цѣловалъ,
Ходи браво—цѣловалъ!

— „Ну, ребята, Наташу; давай Наташу; Ванюха,
запѣвай!

Изо всѣхъ-то одинока,
Одинокая была,
Одинокая Наташа
Въ одиночествѣ жила.
Три дни печи не топила,
Много сору накопила;
На четвертый затопила,
Въ повы сѣни выходила;
Ахъ, Наташа, ты не наша,
Ахъ, Наташа, ты не та
Выходила въ ворота...
За ведерочки брала,
Ведерочки дубовые
Обручи кленовые...
Коромысло взяла,
Сама по воду пошла.
Ахъ-то по воду воду
Что на рѣчку на Неву.
На Невѣ-то на рѣкѣ
Гуси сѣрые сидятъ,
Воду свѣжую мутятъ.
Я на бережкѣ стояла
Воды свѣжей ожидала;
Не могла того дожидаться
Чтобы водѣ устояться.
Итальянскимъ платочкомъ
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко;
Тяжеленько подняла,

Заплаталась побрела,
На круту гору взошла....

Солнце склонилось къ западу; вотъ оно утонуло за холмомъ; яркимъ полнѣмъ разлилась зоря. Густая мгла стала ложиться по доламъ и оврагамъ.

Господи, что за чудный ароматическій вечеръ! какая въ немъ тишина, какая нѣга! смолистый запахъ отъ молодыхъ листовъ березы тонко разливается въ воздухъ; паръ клубится надъ Землянкою; густая роса на широкое пространство осѣла на дуга; и не видать ихъ подъ этою росой, точно затонило ихъ разливомъ воды. Чу! гдѣ-то зычно крикнула сова и ея дикій голосъ зловѣще простоналъ по лѣсу. Коростеля не умолкаемо дергають въ разныхъ сторонахъ. Откуда-то издалека слышится кукованіе кукушки. Посвистывая и кохоркивая, мѣрно тянетъ вальдшнепъ черезъ лѣсныя лужайки и долочки. Чу! хватилъ соловей; и что за соловей: постановка колѣнъ, стройность-рѣдкостныя; вся пѣсня истинно-потная. Вотъ онъ вдругъ тарарахнулъ на весь лѣсъ, да какъ надалъ-то, да какую закатиistou трелью разсыпался онъ въ ночной тиши, какую дробь залихватскую пустилъ, — услада душевная, да и только!

Потухла зоря; лишь узенькая полоска ея еще сверкаетъ на западѣ.

Ночь не слышно опутилась!
На поля на лѣсъ;
Смотрятъ тысячью очами
Звѣздочки съ небесъ.

Кончилось гулянье. Парни съ дѣвушками разошлись по кустамъ парочками. Не слышно звуковъ гармоникъ; не поются пѣсни; а чуть—чуть откуда-то, точно изъ воздуха, надносится шопотъ такой нѣжный, ласковый; а то, можетъ, и не шопотъ, а просто листочки пошевеливаются на деревьяхъ отъ легкаго вѣтерка.

Ванюха съ Дашей тоже уединились. Они спустились съ Волчьего Лба, сбѣжали въ оврагъ, обросшій кустарникомъ и сѣли на траву подъ ольхой.....

Эхъ, вы лѣса-лѣсочки,
Майскія почки!...

Какъ смотреть родители на такую гулянку своихъ дочерей? Очень легко: сквозь-пальцы.

II.

С В А Д Ъ Б А.

Отецъ Ивана, Наумъ Антоновъ, былъ мужикъ ума солиднаго, правомъ суровъ и крутъ. Противорѣчій въ семьѣ не терпѣлъ, а любилъ, чтобъ все ему покорялись. Порядокъ велъ по хозяйству основательный; жилъ исправно, и потому на міру уважался.

На святкахъ, вечеромъ послѣ сумерничанья, когда огни уже засвѣтили, Ванюха началъ одѣваться въ новую сибирку.

— Куда собираешься? спросилъ отецъ, починававшій въ это время изорвавшійся оголовокъ.

— Да на поваду, батюшка, пѣсенъ пошѣть.

— Вишь набаловался; женить тебя надо, оболтуса, побольше дома сидѣть будешь; скружили тебя повады-то; въ этомъ же мѣсяцѣ оженю.

— И то женить парня пора, подтвердила мать: хоть мнѣ помога будетъ; стара ужъ я становлюсь: тяжело одной по обряду-то...

Ванюха остоленѣлъ. Рѣшеніе родителей сильно его озадачило.

— „Экъ его окочурило; ну ступай, на послѣдяхъ-то на игравайся, а послѣ Крещенья, такъ и знай, окручу! сказалъ отецъ.

дами его старше будетъ: въ тотъ годъ и родилась, какъ у насъ Васютка умеръ отъ оспы; вотъ какъ теперь помню Петровна-то покойница, еще жаловалась, что больно тяжело брюхо носить: ни однимъ ребенкомъ такъ не бывало.

— Затарантила! дѣлай что прикано; одѣвайся, да иди къ Анисѣ Степановнѣ, кланяйся, чтобъ она съ тобой поѣхала къ Пантелею. Да о приданомъ обстоятельно обговорите!

— Наумъ Антонычъ, побойся Бога! со веѣмъ парня загубишь, взмолилась жена.

— Иди, говорятъ тебѣ! или расправы захотѣла! сердито прикрикнулъ Наумъ.

— «Да какая же она ему пара, разсуди ты это, шальной человѣкъ; перестарокъ вѣдь она, да послѣ смерти-то родителей и поизбаловалась, говорятъ. За что ты Дашуху-то обходишь?

— Ка бы ты недуря была, такъ и небрежала бы по пустому: Татьяна работница будетъ первый сортъ, и то хорошо, что сирота: не кому въ ее житье вмѣшиваться; приданое построено ей отцомъ хорошее: мужикъ былъ зажиточный, только въ дочку и конилъ; деньги на ея имя—двѣсти рублей—въ банкъ положены, какова тебѣ еще рожна! отпавляйся знай, благословясь.

— Не поѣду, хоть убей! не жена она Ивану, да и мнѣ не по душѣ.

— А такъ ты такъ то, кузель нечесаный..

И Наумъ ударилъ свою жену по лицу что есть силъ, какъ спонъ свалилась на полъ бѣдная баба и заревѣла неистово. Наумъ ухватилъ ее за косы и пошелъ таскать по полу. Натѣшившись досыта, онъ бросилъ ее, избитую и растрепанную, посреди избы и вышелъ изъ дому.

Послѣ ухода мужа, баба приоправилась, сѣла на лавку подъ окно и залилась горькими слезами.

Спустя три дня послѣ Крещенья, Наумъ лежалъ на печи и дремалъ; Ванюха сидѣлъ у окна и мурлыкалъ какую то безконечно длинную пѣсню.

— Иванъ! кликнулъ съ печи отецъ.

— Чего? отозвался сынъ.

— Поди-ка наной гнѣдка, да надѣнь новый хомутъ съ наборомъ.

Иванъ отправился. Немного погодя Наумъ вышелъ тоже на дворъ; зазвякалъ колокольчикъ.

Вошли въ избу отецъ съ сыномъ.

— Надѣвай новую сибирку, да причеши голову-то; намажь волосы-то масломъ, сказалъ Наумъ сыну и самъ сталъ наряжаться по праздничному.

Одѣлись; на верхъ натянули тулупы, крытые сукномъ, опоясались красными кушаками, присѣли на минутку, помолились Богу и вышли изъ избы.

— Куда ѣдемъ? спросилъ Иванъ.

— Узнаешь, когда пріѣдемъ.

Выѣхавъ за околицу, Наумъ поворотилъ направо, къ Рождеству.

— Къ Пантелею Прокопьеву, подумалъ Иванъ; кончилась моя воля волюшка удалая, развеселая. Эхъ Дашуха!..

Всю дорогу Наумъ ѣхалъ молча, изрѣдка вытягивая кнутомъ гнѣдка.

Пріѣхали въ Рождество, отстоящее не далѣе семи верстъ отъ Лебедки; приворотили ко двору Пантелея, привязали лошадь къ кольцу, ввинченному въ ворота, вошли въ избу, помолились Богу и стали у печи...

— Что же вы къ печи стали, а не садитесь, гости дорогіе? Ужъ не сватать-ли пріѣхали? спросилъ ласково старикъ Пантелей, предувѣдомленный однакожъ о цѣли посѣщенія заранѣе.

— Сватать! коротко отвѣчалъ Наумъ.

— Милости просимъ; пожалуйте въ почетное мѣсто, — въ передній уголъ, такимъ гостямъ завсегда мы рады, сказалъ съ поклономъ Пантелей; угостимъ, чѣмъ Богъ послалъ.

— «Сперва дозвожь слово держать, а потомъ подчивай, отвѣчалъ Наумъ. Мы прѣхали, Пантелей Прокопьевичъ, съ крѣпкимъ словомъ, съ низкимъ поклономъ къ вашей чести. Наумъ и Иванъ поклонились въ поясъ.—Вотъ у меня есть купецъ, а у тебя, Пантелей Прокопьевичъ—товаръ; онъ указаль на племянницу, дѣвицу лѣтъ двадцати семи, не такую красивую, какъ Даша, но здоровую и довольно миловидную.

— „За честь, Наумъ Антонычъ, благодарствуемъ. Пожалуйте-же на почетное мѣсто: вольготнѣй тамъ будетъ объ этомъ разговаривать!

— „Не пойдемъ! упрямо отвѣчалъ Наумъ, покольнашаго слова не примешь и отвѣту не дашь.

— „Дай намъ подумать, умомъ-разумомъ раскинуть, какъ дѣлу быть.

— „У печи не на морозѣ, дожидать можно—тепло; совѣтайтесь, мы не препятствуемъ.

— За хлѣбомъ-солью, за зеленымъ виномъ дѣло вести веселѣе; милости прошу, отвѣчалъ Пантелей. Долго перекорялись Наумъ съ Пантелеемъ. Между тѣмъ Пантелеева хозяйка накрыла столъ, поставила щи съ бараниной и студень, а старшій сынъ Пантелея принесъ полштофа водки. Послѣ усиленныхъ просьбъ, Наумъ съ Иваномъ сѣли за столъ и пошелъ разговоръ на прежнюю тему. Наконецъ Пантелей сдался и тогда Наумъ сталъ съ новымъ сватомъ держать обстоятельную рѣчь о приданомъ. Условившись во всемъ, они выпили порядкомъ, обнялись—не одинъ разъ и поцѣловались любезно и назначили въ воскресенье быть рукобитью. Получивши въ задатокъ шаль, Наумъ съ сыномъ уѣхалъ. Невѣста *пропала*.

Дорогой Иванъ завелъ было рѣчь, что ему больше любя Дашуха и что лучше бы на ней жениться; на это отецъ показаль ему кнутъ; тѣмъ разговоръ и кончился.

Въ воскресенье поѣхали къ невѣстѣ на рукобитье. Наумъ взялъ съ собой штофъ водки и связку кренделей.

Пріемъ былъ самый ласковый, какъ отъ родной уже семьи. Пантелей зажегъ свѣчку у образа. Помолившись Богу, *ударили по рукамъ*, сѣли за столъ и началось угощенье. Наумъ досталъ свой штофъ и сталъ подбивать свата своею водкою; а крендели отдалъ невѣстѣ. Явились на сговоръ подруги Татьяны изъ своей деревни и даже изъ другихъ ближайшихъ, и, кромѣ того, набралось въ избу множество знакомыхъ бабъ.

Невѣста, окруженная своими товарками, запричитала:

Мое сердце испугалось,
Рѣзвы ноженьки подогнулись,
Бѣлы рученьки опустились;
У меня-ли сизой пташечки
Горе-горькой сиротинушки
Голова съ плечъ покатилая,
Во устахъ рѣчь помѣшалася.
Запоручилъ милый дядюшка
И кормилица тетенька,
За поруки да за крѣпкія
За замки-то вѣко-вѣчные.
Отъ замковъ ключи потеряны,
Во сине-море опущены.
Ты взойди-ко красно солнышко,
Обсуши да сине море!..
Ужъ вы, свѣтъ, мои подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Вы сходите на сине море,
Поищите золотыхъ ключей!

На это подруги тоже причетомъ ей отвѣтили:

Ужъ ты свѣтъ наша голубушка,
Дорогая ты Татьянушка,—
Наша милая подруженька!
Что сухому-ли-то дереву
Не бывать два раза зелену,

1002 201

И тебѣ, наша подруженька,
Ужъ не быть во красныхъ дѣвушкахъ!

Услыхавъ такой отвѣтъ отъ подругъ, невѣста обрати-
лась къ своей теткѣ:

Ужъ ты, свѣтъ, моя голубушка,
Моя милая тетушка!
Поднялись, моя голубушка,
На меня-ли то на бѣдную,
Сироту-то горе-горькую
Что—твой-ли руки бѣлыя!
Такъ не жаль тебѣ, кормилица,
Что мою-ли буйну голову
И дѣвичью мою красоту?

Тетка отвѣчала:

Ужъ ты, свѣтъ, моя голубушка,
Моя милая племянница,
Ка-бы былъ у тебя, голубушка,
Твой родимый-то батюшка,
Да родимая матушка,
До *люби* бы ты насидѣлася,
До охоты-бы нагулялася,
Со своими-то подружками
Со товарками дѣвицами.

Невѣста запричитала къ своимъ умершимъ родителямъ:

Я сидѣла-ли бѣдная
За столами за дубовыми,
За скатертями за браными,
За яствами сахарными!
Я Смотрѣла по свѣтлицѣ
Своихъ милыхъ да родителей;
Не стоятъ мои родимые
У стола да у дубоваго
И не потчуютъ дорогихъ гостей.

Снова отнеслась къ теткѣ:

Тебѣ Богъ-судья, голубушка,
Дорогая моя тетушка!
Что прикрыла сиротинушкѣ
Половину свѣта бѣлаго.
Не велишь теперь мнѣ тетушка
Широко ходить,—расхаживать,
Далеко глядѣть—разглядывать.
Только дали сиротинушкѣ
Половнички три единныя:
Отъ кути да до кадушечки,
Отъ кадушечки до полотенечка,
И отъ печки до голбчика.
Научи-же меня тетушка
Уму-разуму степенному
И обычаю хорошему,
Какъ мнѣ жить на чужой сторонѣ,
У чужаго у чуженина,
У чужаго отца съ матерью,
У чужаго роду-племени?

Тетка отвѣчала:

Ужъ ты, свѣтъ, мое солнышко,
Ты дитя благословленное!
Ты живи моя голубушка,
Моя милая племянница,
На чужой-ли дальнѣй сторонѣ
Семьянинкой скромной горлицей. (*)

(*) Въ этомъ причетѣ мнѣ нравится чрезвычайно удачное сравненіе семьянинки съ скромной горлицей. Въ мірѣ животныхъ я не знаю болѣе сильной привязанности между самкою и самцомъ и болѣе заботливаго ухода за птенцами, какъ у горленокъ. Еще въ дѣтствѣ мнѣ случилось убить весною изъ пары прилетѣвшихъ на огородъ горленокъ,

Ужъ ты будь, моя голубушка,
Буйной головой поклончива,
Ретивымъ сердцемъ отходчива!
Рѣзвы ноженьки съ подходами,
Бѣлы рученьки съ подносами;
Ты здоровайся, голубушка,
Что со старымъ и со малыми;
Называй-ка ты, голубушка,
Что холостого по имени,
А старого—по отчеству!

Выслушавъ такой совѣтъ отъ тетки, невѣста обратилась къ своей прежней уже замужней подругѣ съ слѣдующимъ причетомъ:

Ужъ ты, свѣтъ, моя голубушка,
Моя старая подруженька,
Ужъ я буду тебя спрашивать,
Ты начини-ко мнѣ рассказывать!
Ты скажи-ко мнѣ голубушка,
Моя прежняя подруженька,
Какъ сама ты раставалася
Со своимъ милымъ родителямъ
И со всѣмъ со родомъ-племенемъ,
Со подружками-голубками,
Со своей-ли волей—вольною,
Со своей дѣвичьей красотой?
Я еще спрошу, сиротинушка,
Я еще спрошу горе-горькая,
Ты повѣдай мнѣ подруженька
Хорошо-ли во чужихъ людяхъ,
У чужаго отца съ матерью?

одну: не знаю—самца или самку. Другая—въ одинъ моментъ спустилась къ убитой, потрогала ее клювомъ, и убѣдившись въ смерти, высоко поднялась къ верху, свернула крылья и кубаремъ ударившись о землю, убила.

Молодая, свѣжая баба, только въ прошломъ году выданная замужъ, запричитала въ отвѣтъ:

Ужъ ты, свѣтъ, моя голубушка,

Моя прежняя подруженька,

Тяжело да раставатися

Со своимъ да отцомъ съ матерью,

Съ дорогими со сестрицами,

Со всѣмъ милымъ родомъ-племенемъ;

А еще того тяжелѣе

Растананье съ волей-вольною,

Со дѣвичьей своей красотой.

Не запомнила, молодешенька,

Растананьица я тяжелаго:

На рукахъ-то меня вынесли,

На коняхъ-то меня вывели

Ко матушкѣ Божьей церкви,

Подъ вѣнцы подъ золоченные.

А отъ вѣнца отъ золоченаго

На чужую дальну сторону

Увели меня, подневольную,

Ко чужому ко чуженину.

Что хвалить да чужу сторону

Мое сердце не воротится;

А что хаять чужу сторону

Твое сердце испугается.

Ужъ ты, свѣтъ, моя подруженька,

Тяжело да жить во чужихъ людяхъ,

У чужаго отца съ матерью,

У чужаго сына отцакаго,

У грозы да молодецкія.

Ты живи, моя голубушка,

На чужой дальней сторонукѣ

Остороженько, умѣючи,

Говори да разумѣючи.

Не держи-ко на чужой сторонѣ

Ты подруженьки задушевные;
Ты держись, моя голубушка,
Все подушечки пуховыя.
Что подруженька-голубушка
На чужой на дальней сторонѣ
Тебя выдать да и вымѣсть;
А подушечка пуховая
Твоихъ жалобъ не повѣдаетъ!

Пошло всеобщее угощеніе. Невѣста начала дарить Наума и жениха платками. Рождественники и рождественницы съ жениховой стороны такъ же получили разные подарки. Наумъ за все отдаривалъ деньгами. Тѣхъ подъ вѣнецъ положили въ среду, а во вторникъ назначили дѣвичникъ.

Изъ скорбныхъ, за сердце хватающихъ свадебныхъ причетовъ, видно, что выходъ замужъ крестьянской дѣвушки есть великая эпоха въ ея жизни. Она вступаетъ совершенно въ новую обстановку, въ инныя заботы и обязанности и часто въ такое подневольное положеніе, которое сводитъ ее на степень безотвѣтной рабы, кабальной труженицы изъ-за куска хлѣба. Какъ же ей не обливать свою дѣвичью красоту горькими слезами? какъ же не стонать, какъ надъ покойникомъ, надъ своею утраченной на вѣки волюшкой!

Рано встала Татьяна въ день назначенный для дѣвичника. Не покойно спалась ночь, тревожныя думы терзали дѣвушку; безконечная, невыносимо-тяжелая тоска глодала сердце. Не по душѣ былъ женихъ: веѣмъ бы, кажись, парень хорошъ: и виденъ, и рѣчистъ, да въ глазахъ что то не ладное, отцовское блеситъ порою изъ-подъ густыхъ русыхъ бровей. Боится она своего будущаго мужа, а еще пуще боится нареченнаго свекра, стараго Наума Антоныча.

Съ утра начали собираться на дѣвичникъ подруги; каждая принесла невѣстѣ сколько нибудь денегъ. Татьяна встрѣтила дѣвушекъ слѣдующимъ причетомъ:

Во шуму я не слышала,
Во слезахъ я не увидѣла,
Что идутъ ко мнѣ да жалуютъ
Мои милыя подруженьки,
Души-красныя дѣвушки.
Не прогнѣвайтесь, пожалуйста,
Мои милыя голубушки,
На меня на сиротинушку,
Что не вышла, васъ не встрѣтила,
Широко дверей не растворила,
За бѣлы руки не приняла,
Въ честно-мѣсто не посадила,
Въ честно-мѣсто подъ окошечко,
На тесовую на лавочку.
На меня, мои подруженьки,
Что не спѣсъ нашла великая,
Не богатство одолило,
Извело меня, молодешеньку,
Горе лютое, неутѣшное;
Отдають меня, бѣдную
Что кормилецъ-то дядюшка
И голубушка тетушка
Противъ воли во замужество
Молодымъ-то молодешеньку,
Зеленымъ-то зеленешеньку.
Вы послушайте, мои голубушки,
Какъ у моего-ли дядюшки
Что веселое-то пированьице;
А у меня-то сиротинушки
Что не радостная свадьба.
Не свѣтелъ день безъ солнышка,
Не свѣтла ночка безъ мѣсяца,
Не славна свадьба сиротская
И судьба ея не радостна.
Послѣ этого причета, подруги по очереди подошли къ

невѣстѣ и положили ей деньги въ кофѣни. Татьяна за-
причитала:

Вамъ спасибо, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Что на вашихъ на подарочкахъ.
Ка-бы эти да гостинчики
Если-бъ въ пору были, во время,
Да поранѣ-бъ маленько,
По своей-бы вольной-волюшкѣ,
По своей-бы дѣвчьеи красотѣ,
Я-бы съѣздила съ подружками
Въ города да и во ярмарки;
Я зашла-бы, молодешенька,
Къ молодцу—купцу во лавочку
Я-бъ купила алу ленточку,
Золотую перевязочку.
Лентой косоньку-бъ украсила,
Перевязочкой—повязочку.
А теперь мнѣ что въ подарочкахъ:
Во рукахъ держать—потерять могу,
Ко лицу поднести—всѣ обмочатся,
Ко сердцу прижать—такъ заржавѣютъ.
Положу ваши гостинчики
Я къ себѣ да въ окованъ сундукъ,
Увезу ваши подарочки
На чужу, на дальнюю сторону.
На постылой на сторонущкѣ,
Растоскуется сердечушко,
То зайду я молодешенька
Въ нетопленную-то хатину,
Отопру тогда тихошенько,
Свой дѣвичей окованъ-сундукъ,
И возьму ваши гостинчики—
На свои да руки бѣлыя;
Подниму ваши подарочки

Выше горькой буйной головы,
Выше бабьего повойничка;
Ужъ я буду похвалиться,
Что у меня эти гостинчики
Со родимой со сторонущи
Отъ голубушекъ подруженекъ.
Ужъ я буду ими хвастаться,
Что и старому, и малому
Холостому и женатому.

Изъ-за перегородки вышла тетка Татьяны, крѣпко обняла ее и зарыдала, заплакали подруги, заревѣли ребята такъ себѣ, по инерціи, потому что старшіе плачуть. Невѣста глухо всхлипывала подъ платкомъ и тяжело вздыхала; наконецъ снова начала причитать:

Ужъ вы свѣтъ мои голубушки
Мои милыя подруженьки,
И родная моя тетушка,
Всѣ сусѣди и сусѣдушки,
И сусѣдей малы дѣтушки,
Призамолкните пожалуста
Хоть на единую минуточку.
Ужъ и что-же мнѣ почудилось:
У окошечка постукалось,
У калитки кольцо брякнуло;
У дверей да возмолилось,
Двери на пяту растворилися,
Какъ идетъ-бы ко мнѣ батюшко
Со родимой моей матушкой.
И несетъ-бы ко мнѣ батюшко
На своей на правой рученкѣ
Благословеньице великое,
Пресвятую-бъ Богородицу;
А мила—родима матушка
Цвѣтно-платье подвѣчное.

Я взялась-бы, молодешенька,
Не за цвѣтно-красно платице,
А взялась я, горе-горькая,
За Святую Богородицу;
Ужъ какъ ихъ благословеньице,
Что спасетъ меня помилуетъ
На чужой на дальней сторонѣ.
Что я глупая, неразумная,
Голова моя не смышленная,
Развѣ можно со того свѣта
Появляться сюда выходцамъ?
Ни письма отъ толь, ни грамотки,
Ни словеснаго челобитьица!
Отъ сухаго-ли отъ дерева
Не бывать видно отросточковъ
Изъ-подъ снѣгу изъ-подъ бѣлаго
Не растеть да шелкова—трава,
Не цвѣтутъ цвѣты лазоревы.
Такъ съ того-ли свѣту божьяго
Не придуть мои родители
На мое на пированьице,
На мою свадьбу сиротскую.

Взошелъ въ избу Пантелей Прокопьевъ, возвратившійся изъ города, куда онъ ѣздилъ за покупками на свадьбу и началъ уговаривать племянницу—не надрываться очень; что житье ей въ замужествѣ будетъ хорошее: Ванюха парень дѣльный, семья зажиточная: чай по праздникамъ и по воскресеньямъ пьютъ; харчи держать отменные: пироги и говядина—и всякое такое у Наума безпереводно...— „Радоваться—надо, а не плакать: что тутъ по пусту голосить-то!...

На рѣчи дяди, невѣста отвѣтила такимъ причетомъ:

Что вчера объ эту пору,
Мимо дядюшкина терема

Мимо теткина—высокого,
Пролеталъ-ли младъ ясенъ соколъ,
И въ косяцато окошечко
Говорилъ мнѣ зычнымъ голосомъ:
Ты не плачь да красна дѣвица,
Не рыдай да лебедь бѣлая;
Тебѣ плакать-то не о чемъ,
И рыдать-то тебѣ не къ чему;
На чужой на дальней сторонѣ,
Три поля пшена засѣяны,
Что весельемъ огорожены,
Медовой сытой поливаны.
А сегодня въ утро раннее
Прилетала вольна пташечка,
Съ чужой дальней со сторонки;
Говорила вольна пташечка,
Человѣчьимъ тоже голосомъ:
Ты не вѣрь да красна дѣвица,
Что словамъ да ясна сокола;
Что слова его заманчивы—
Рѣчи льстивыя обманчивы;
Ужъ ты плачь да красна дѣвица,
Ужъ ты плачь не отставаючи
Свое сердце надрываючи;
Тебѣ плакать горько слѣдуетъ:
На чужой на дальней сторонѣ
Три поля горя насѣяны,
Что печалью огорожены
Горючимъ слезамъ поливаны.

—
Что думалъ въ это время женихъ, молодой князь Иванъ Наумовичъ?

Онъ приготовлялся къ невѣстѣ на дѣвичникѣ и обра-
жалъ свою поѣздку полнымъ парадомъ, созданнымъ на
этотъ случай обычаями Янгосорской мѣстности. Иванъ вы-

бралъ себѣ двухъ дружекъ; изъ нихъ старшій былъ — ловкій и рѣчистый крестьянинъ. Дружками на деревенскихъ свадьбахъ почти всегда бывають женатые молодые мужики, знающіе всѣ приговоры, прибаутки, побасенки и разнаго рода (не безъ букета) остроты и свадебные порядки.

Сватомъ прихватили съ собою дальняго родственника, мужиченка вертлявого, большого хлопотуна и горькаго пьяницу. За его вертлявость и постоянную суетливость онъ извѣстенъ былъ въ околоткѣ подъ именемъ Зуды.

Женихъ съ дружкой — на однѣхъ саняхъ, свать съ подружьемъ — на другихъ — съ громомъ и звономъ подка- тили къ невѣстѣ.

Для гостинцевъ взяты были съ собою въ изобильномъ количествѣ разныя сласти и лакомства: пряники, конфекты въ бумажкахъ съ кудряшками, всевозможные орѣхи и связки баранковъ.

Услышавъ прїѣздъ жениха, взволновалась невѣста, то- ропливо спрянули съ своихъ мѣсть подружки и обступили Татьяну, которая запричитала:

Ужъ вы свѣтъ, мои голубушки,

Мои милыя подруженьки;

Ужъ вы станьте-ко голубушки

Что стѣною бѣлокаменной;

Не пускайте-ко голубушки

Что чужаго-то чуженина

Со чужой-то дальней стороны.

Взошли въ избу женихъ, дружка и свать съ гостинцами. Толпа дѣвушекъ, загородившая невѣсту, не пропускала ихъ впередъ. Только Зуда съ кухтырками гостинцевъ по- выдвинулся нѣсколько.

— „Выводите, красны дѣвушки, невѣсту къ молодому князю нашему Ивану Наумычу, сказалъ старшій дружка. —

Невѣста вмѣстѣ съ подругами отвѣтила на это при- четомъ:

Благослови да Боже Господи
И Пресвятая Богородица
Ужь мнѣ встать да приподняться
На свои да ноги рѣзвыя,
На чулочки на бумажныя,
На ботиночки сафьянныя.

Встала Татьяна съ мѣста съ намѣреніемъ встрѣтить жениха; но силы ее оставили, она была не въ состояніи идти ему на встрѣчу и снова сѣла на лавку, снова начала при-
читать:

Что не гнитесь вы половочки,
Не ломайтесь переводочки,
Какъ по вамъ да не медвѣдь идетъ,
Не медвѣдица то лютая;
А идетъ да красна дѣвица.
Не тяжелѣе я прежняго,
Отъ чего-жъ это случилось,
Рѣзвы ноженьки подогнулись,
Бѣлы рученьки опустились,
Голова съ плечъ покатилася,
Во устахъ рѣчь помѣшалася?

— „Долго ждать намъ доводится, красныя дѣвушки,
заговорилъ опять дружка; поторопитесь съ невѣстою: же-
нихъ истомился!

Татьяна обратилась къ подружкамъ, къ дядѣ и теткѣ:

И спрошусь я, сиротинушка,
У всего-то роду племени,
У милыхъ своихъ подруженекъ,
Что позволять-ли онѣ, голубушки,
И прикажетъ-ли кормилецъ дядюшка
И мила — кормилица тетюшка —
Принимать мнѣ гостинчики
Отъ чужаго-то чуженина,
Отъ чужа сына отцовскаго.

Подруги подняли Татьяну съ лавки подь руки; она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ свату, который съ гостинцами выступилъ впередъ. Теперь, въ эту минуту, представляется невѣстѣ мѣстнымъ обычаемъ сорвать свое горе—досаду особымъ причетомъ, исполненнымъ ѣдкихъ насмѣшекъ надъ сватомъ,—и нѣкоторымъ образомъ выразить этимъ еще не утраченную самостоятельность; она зашѣла:

— Хочу встану, хочу не встану,

Хочу пойду, хочу не пойду!

Передъ сватомъ-то подхолозникомъ

Передъ сватомъ переметникомъ

Не статья мнѣ слезно-плакаться....

Что у меня еще у молодешеньки

Не захвачена—воля—вольная....

Что ходилъ ко мнѣ свать—сводничекъ

Что ходилъ—онъ подхолозничекъ

И позднымъ ко мнѣ поздешенько,

И ранымъ ко мнѣ ранешенько,

Все торилъ ко мнѣ дороженьку.

Подруги подстаютъ къ невѣстѣ и въ общій голосъ поютъ:

Ужъ тому-ли свату своднику

На печи-бы заблудитися,

Сквозь напыльникъ провалитися,

Киселемъ-бы подавитися,

Подъ шестокъ-бы закатитися;

Чтобъ клюкой—грести—не выгрести,

Помеломъ мести—не вымести!

А еще бы свату—своднику

Три-бы чирья ему въ бороду,

А четвертый-то подъ горлышко

Вмѣсто краснаго-бы солнышка.

Ужъ ему ли свату своднику,

Мы дадимъ-же провожатаго

Таракана то рогатаго
Да ещемышь полосатую.

— „Спасибо вамъ, молодая княгиня и красныя дѣвушки, на ласковомъ словѣ, на добромъ привѣтѣ, сказалъ дружка, выслушавъ ругательный причетъ и низко кланяясь, такіа сладкія рѣчи нашему свату доводится слушать не въ первые: отъ нихъ онъ больше сиѣтъ, съ каждымъ днемъ толстѣтъ. — Передай-ко сватушко гостинцы жениху; пусть онъ ихъ самъ невѣстѣ съ почтеніемъ поднесетъ.

Иванъ взялъ отъ Зуды гостинцы и почтительно поднесъ ихъ невѣстѣ. Татьяна, принявъ гостинцы и передавъ ихъ подругамъ, обратилась къ жениху:

Не кори и покорилася,

Не склоня я поклонилася,

Предъ дороднымъ добрымъ молодцомъ.

Подружки запѣли:

Что не честь да красной дѣвицѣ,

Не хвала да раскрасавицѣ,

Принимать эти гостинчики

Безъ своихъ-то ей родителей

Отъ чужаго-то чуженина.

Не долго пироваль у невѣсты женихъ съ своими поѣзжанами; принявъ невѣстины подарки, состоящіе изъ полотенецъ и платковъ, Иванъ, дружки и свать распрощались и уѣхали по домамъ.

Послѣ отъѣзда жениха съ дѣвичника, подруги Татьяны, по мѣстному янгосорскому обычаю, сей часъ-же стали собирать невѣсту въ баню.

Татьяна сняла съ себя излишнія украшенія: бусы, серьги, кольца, свое шелковое ярко-зеленое, какъ ярь-мѣдянка, платье; надѣла одежду по проще; подруги завязали въ узелокъ бѣлье, приготовили вѣники. Невѣста, предъ самымъ

уходомъ, обратилась къ своимъ роднымъ съ просьбою—
благословить ее.

Попрошу я, сиротинушка,
Попрошу я, горе-горькая,
У кормильца, своего дядюшки,
У кормилицы у тетюшки
Благословенія великаго,
Что во баню во парусу,
Во теплу да подвѣнчую.

Подошелъ старикъ Пантелей; крѣпко обнялъ племян-
ницу и благословилъ ее; тоже сдѣлала тетка.

Двѣ дѣвушки подхватили Татьяну подъ руки и повели
въ баню; другія подруги, взявши вѣники, начали замѣтать ими
слѣдъ невѣсты, чтобы не попалъ на него лихой человѣкъ
и какими нибудь наговорами, или колдовствомъ не испор-
тилъ Татьяну. Вѣра въ порчу въ глухихъ мѣстностяхъ
Россіи еще существуетъ между крестьянами во всей своей
силѣ. До сихъ поръ въ сельскихъ церквахъ за обѣдней и
во время крестныхъ ходовъ можно встрѣтить кликушъ,
которыхъ въ состояніи истерическихъ припадковъ съ пѣною
у рта ломаетъ дѣйствительно ужасающимъ образомъ. Это —
порченые непременно во время свадьбы какимъ нибудь
лиходѣемъ, подговореннымъ обиженной стороной въ бракъ.
Связь Ивана съ Дарьей была извѣстна; какъ же въ этомъ
случаѣ не принять нѣкоторыхъ мѣръ противъ порчи?

Изъ бани возвращалась Татьяна тоже съ причетомъ:

Ужъ тебѣ-бы банѣ парусѣ
По бревну бы раскатиться,
По кирпичику развалиться;
Ужъ какъ баня-то паруса
На лютыхъ-да звѣрихъ вожена,
На лихо мѣсто поставлена.
Ужъ ты, свѣтъ, кормилецъ дядюшка,
И кормилица тетюшка,

Ужъ вы встрѣтите меня бѣдную;
Ужъ вы дайте мнѣ, родимые,
Ключевой воды напиться!
Подойди, родимый дядюшка,
И родимая моя тетушка
Вы ко мнѣ ко сиротинушкѣ:
Посмотрите-ко, родимые,
На мое-то лицо бѣлое,
Что берестечко блеклое,
Зла тоска на немъ написана;
Какъ мои да щечки алыя,
Что листочки лежалые.
Я немного попарилась,
А ужъ много съ себя спарила
Что своей-ли дѣвичьей красоты.

Затѣмъ Татьяну одѣли снова въ хорошее платье и посадили за столъ. Тетка вынесла изъ свѣтелки узелъ, въ которомъ оказались ленты и банты, приготовленные невѣстой для подругъ,—это ея дѣвичья красота. Татьяна выняла изъ узла ленту, положила ее на голову себѣ, какъ бы примѣряла, и потомъ, подзвавъ къ себѣ одну изъ дѣвушекъ, запричитала:

Подойди, моя голубушка,
Моя милая подруженька,
Ты, Наталья свѣтъ Васильевна!
Тыними, моя голубушка,
Что мою-ли дѣвью красоту
Со моей-ли буйной головы!
Ты носи ту дѣвью красоту,
Съ головы да не снимаючи
И меня то воспоминаючи.
Вспомяни ты меня бѣдную
Хотя въ три денька одинова;
Если это тебѣ часто кажется,

Въ три недѣли хотъ одинъ разокъ
Часто можетъ быть покажется,
Такъ хотъ въ три года одинажды.
Что моя ли дѣвья красота
Никому она не надобна;
Я снесу да дѣвью красоту
Во лѣса большіе, темные,
Я повѣшу дѣвью красоту
Что на бѣлую березоньку.
Что придутъ да люди добрые
Съ топорами со вострыми
И подрубить ту березоньку,
Ту березоньку кужлявую.
Упадетъ да дѣвья красота
Что на матушку сыру землю,
На траву да на шелковую,
На цвѣты да на лазоревы.
Подкосить траву шелковую
Что косами люди острыми
И осудятъ люди добрые,
Когда будутъ тутъ сходитися
На мою красу дивитися:
Она честию-то изношена,
Да не къ мѣсту-то положена!
Тутъ моей да дѣввѣй красотѣ
Ей не мѣсто и не мѣстечко,
Не житѣе тутъ вѣковѣчное.
Понесу я дѣвью красоту
Ко матушкѣ ко Божіей церквѣ
За престолъ да Богородицы.
Что придутъ да люди добрые
Богу въ церковь помолитися
И восхвалятъ люди добрые:
Это чья же дочка умная,
Ужъ и чья-жъ она разумная,

Ужъ ея да дѣвья красота
Съ честию, славою изношена
И къ мѣстечку положена
Тутъ ей мѣстечко-то угроже
И житье ей вѣковѣчное.

Въ продолженіи этого причета, Татьяна раздала подругамъ всю свою дѣвью красоту, т. е. всѣ бантики и ленточки, какіе были въ узлѣ. Этимъ закончился дѣвичникъ. Дѣвушки разошлись, и невѣста съ опухшими отъ слезъ глазами, съ сильною головою болью, охрипшая отъ причитаній и воя, ушла въ свою каморку и улеглась спать.

Еще до свѣта проснулась Татьяна, встала съ постели, на скоро одѣлась и, не вздувая огня, обратилась къ теткѣ съ слѣдующимъ причетомъ:

Ужъ ты, свѣтъ, моя голубушка,
Ты родная моя тетушка,
Ужъ ты дай, моя голубушка,
Огонька мнѣ одну искорку!
Я скажу тебѣ голубушка,
Что какой мнѣ сонъ привидѣлся:
Ко мнѣ горькой сиротинушкѣ
Приходила дѣвья красота,
Вуйну голову погладила,
Алу ленточку поправила.
А ужъ я дѣвка бѣдная
Ничего ей не отвѣтила,
И пошла вонъ дѣвья красота,
На меня то разсердилася,
Ничего ужъ не сказала мнѣ
И ужъ вновь не воротилася.

Тетка засвѣтила огня. Татьяна собралась къ заутрени и на могилы своихъ родителей попроситься съ ними сквозь сыру землю и попросить у нихъ благословенія на новую жизнь. Васплій, сынъ Пантелея, двоюродный братъ

Татьяны, долженъ былъ отвезти ее къ приходу. Она, по этому поводу, обратилась къ нему съ причетомъ:

Ужъ ты, свѣтъ, да соколъ милый братъ,
Я объ чемъ тебя просить буду,
Просить буду, низко кланяться:
Ты сходи да, соколъ, милый братъ,
Что на свой да на широкій дворъ,
Обуздай да коня ворона,
Запряги его разудалаго
Во дубовы новы саночки,
Съ сиротой, со мною поѣдешь ты
Ко приходу ко Господнему,
Къ отцу нашему духовному!
Мы попросимъ золотыхъ ключей,
Что отъ матушки Божьей церкви
И взойдемъ съ тобой мы, милый братъ,
На зысоку колоколенку;
И ударимъ, соколъ милый братъ,
Въ заунывный большой колоколь!
Чтобы звонъ-то перекатами
Разбѣжался по святой Руси
И проникъ бы во сыру землю.
Не растунится-ль мать сыра земля,
Не раскроется-ль гробова доска,
Не распахнется-ль тонко полотно,
Не отведутся-ль руки бѣлыя,
Ко грудямъ плотно прижатая,
У моего отца съ матерью
И не вымолвятъ-ли они горькой миѣ
Благословеньице великое
На чужую дальню сторону?

Отстоявши заутреню, Татьяна пошла на кладбище, и пробралась по глубокому снѣгу къ родительскимъ могиламъ и грохнулась на нихъ съ дикимъ воплемъ. Въ ея скорб-

номъ плачѣ уже не играли роль установленныя мѣстнымъ обычаемъ причеты; но вырывались молебны съ страданіемъ невыразимымъ и слышались глухія перерывчатыя рыданія и отдѣльныя фразы, выражающія то просьбы о благословеніи, то жалобы на горькую участь свою. Василій силою увелъ съ кладбища сестру, усадилъ ее въ сани и помчалъ домой.

Входя въ избу, она низко поклонилась дядѣ и теткѣ и запричитала:

Ужъ я ѣздила сиротинушка

Ко приходу ко Господнему,

На могилушку къ родителямъ;

Не могла я ихъ дозваться,

Не могла я добудитися

Своего кормильца батюшка

И родимую мою матушку,

На мою свадьбу сиротскую!

Не отвѣтили они бѣдной мнѣ

Ни единого словечушка;

Будьте-жъ вы, мои родимые,

Мнѣ на мѣсто отца съ матерью

Что на томъ ли на вѣнчаньицѣ,

Горемычной моей свадебкѣ.

Къ брату-же своему Татьяна отнеслась съ новой просьбой:

Ужъ ты, свѣтъ, да соколъ милый братъ,

Ты мое да красно солнышко,

Я еще ли, сиротинушка,

Объ одномъ буду просить тебя:

Обѣдай да коня ворона

Во черкаское сѣделечко,

Ужъ ты съѣзди, соколъ, милый братъ,

На чужую дальнюю сторону

Ты къ чужому-то чуженину,

Ты повысмотри тамъ, милый братъ,

Что согласно ли въ семьѣ живутъ,

Что одинъ-ли хлѣбъ—соль кушаютъ,
Одного-ли въ домѣ слушаютъ,
Не насидѣться-бъ мнѣ молодешенькѣ
По-конецъ стола дубоваго,
Не насмотрѣться-бъ зеленешенькѣ
Что кусочка лишь поданаго.

Пришли подруги, снарядили Татьяну въ подвѣнечное платье. Скоро слышали звонъ колоколовъ ѣдущаго за невѣстою жениховаго поѣзда. Татьяна, совсѣмъ одѣтая, подошла къ дядѣ и теткѣ и поклонилась имъ въ ноги, съ причетомъ:

Попрошу у тебя, дядюшка
И родимая моя тетюшка
Благословенія великаго
Подъ вѣнцы да подъ злаченые,
На чужую дальню сторону.

Благословили невѣсту образами и только успѣли поведить за столъ, какъ подкатилъ къ деревнѣ поѣздъ, но не вѣхалъ въ нее, а остановился за околицей.

Не отъ вѣтру, не отъ вихоря
Шумъ по улицѣ разносится;
То чужане появились,
Со чужой со дальней стороны,
Со злодѣйки со проклятыя.
Ужъ ты, свѣтъ, родимый дядюшка,
Не пускай-ко ты чужихъ людей,
Ты приставъ, кормилецъ-дядюшка,
Ко калиткѣ-то придверничковъ,
А къ воротамъ приворотничковъ.

Вышелъ въ сѣни Пантелей, заперъ калитку, а также задвинулъ запоромъ и ворота, ведущія во дворъ.

Подошелъ къ калиткѣ старшій дружка и, ударивъ въ нее кнутовищемъ, проговорилъ: „Господи Иисусе Сыне Божій, помилуй насъ“!

Аминь! отвѣчалъ Пантелей за калиткой.

— „Есть ли у сихъ воротъ приворотнички, у дверей придвернички?“ спросилъ дружка.

— Есть-каковы ни на-есть, отозвался Пантелей.

— А какъ васъ звать, какъ по отчеству величать?

— Насъ по имени зовутъ Пантелеемъ, по отцу Прокопьевичемъ.

— Пантелей Прокопьевичъ! мы пріѣхали отъ нашего князя молодого къ вашей княгинѣ молодой по слову, по рукобилью, дружки—вѣрные служки, съ поклономъ—узнать о ея здоровьи и спросить-нельзя ли нашему князю молодому съ нею видѣться?

— Никакъ этого сдѣлать нельзя: на дворъ у нея разведенъ большущій садъ съ высокимъ тыномъ и ни откуда нѣтъ къ ней ходу.

— У насъ съ собою взято много народу и всякаго *струмента*: вашъ тынъ поломаемъ и княгиню молодую безпретѣнно увидимъ!

— Прозѣвали малость: наша княгиня молодая обернулась бѣлой лебедью и улетѣла за синія моря; чтобъ васъ пустить, не у кого позволенія спросить.

— Нашъ князь молодой былъ оборотившись яснымъ соколомъ, ее видѣлъ и домой привелъ.

— Да она опять оборотилась рыбкой—плотичкой и ушла въ сине море, и теперь ее дома нѣтъ.

— А нашъ князь молодой оборотился окунемъ, тамъ ее нашелъ и принесъ домой.

— Наша княгиня молодая вчера во ширь была: скакала, плясала, да ключи отъ воротъ потеряла и замки отпереть намъ не чѣмъ.

— Нашъ князь молодой на этомъ пиру былъ, ключи нашелъ и намъ выдалъ; неуждно-ли получить вамъ ихъ и намъ отпереть калитку.

— Ну, дѣлать нечего, подавай ключи!

Дружка просунулъ въ щель калитки мѣдный пятикопѣчникъ.

— У нашей княгини молодой ключи были серебряные, а не мѣдные, отвѣчалъ ему изъ-за калитки Пантелей.

Дружка подаль въ щель пятиалтынный; Пантелей отворилъ калитку, дружки вошли въ избу.

Между тѣмъ Татьяна посадила подлѣ себя, на женихово мѣсто, брата, съ просьбою оберегать ее отъ чужихъ людей.

Не сдавайся, соколъ, милый братъ,

Ни за злато, ни за серебро,

Ни на имѣнье—ихъ богатство,

Ни на слова, на ихъ ласковы.

Когда дружки вошли въ избу, старшій проговорилъ трижды молитву: Господи Іисусе и проч., ему отвѣтили: аминь.

— „Есть-ли въ семъ домѣ благодатномъ хозяинъ, аль домашній тысяцкій? спросилъ дружка.

— Есть каковъ ни на—есть, отвѣтилъ ему сидѣвшій на жениховомъ мѣстѣ братъ Татьяны.

— А какъ васъ звать, какъ по отчеству величать?

— Василий Пантелеевичъ буду.

— Пріѣхали мы, Василий Пантелеевичъ, по слову, по рукобилью отъ нашего князя молодого—узнать о здоровьѣ вашей княгини молодой; ты пожалуйста скажи намъ—здорова-ли она?

— Слава Богу, здорова, отвѣчалъ Василий.

— Такъ потрудитесь приготовить, чтобы нашего князя молодого принять, когда онъ вздумаетъ пожаловать.

Василій всталъ, подаль дружкамъ по стакану водки, а тетка подала имъ на рѣшетѣ по бумажному платку. Дружки,

взявши платки, затушили ихъ за кушакъ и, поблагодаривъ за угощеніе, вышли изъ дому и направились къ поѣзду. Народъ со всей деревни тѣнился на улицѣ и на дворѣ.

Обѣхавъ кругомъ поѣзда, дружки отправились на дворъ невѣсты, а за ними и весь поѣздъ.

Старшій дружка повелъ подъ руку жениха въ избу, а младшій несъ за ними образъ на короваѣ хлѣба.

Всѣ поѣзжане вошли въ избу; туда-же протиснулось много посторонняго народа.

При входѣ въ избу женихъ и поѣзжане помолились Богу; старшій дружка сказалъ:

— Василій Пантелеевичъ! позвольте нашему князю молодому посидѣть за вашимъ столомъ дубовымъ, за скатертями браными, за явствами сахарными, рядомъ съ вашей княгиней молодой.

— Радъ-бы, гости дорогіе, вамъ позволить, да словомъ крѣпкимъ я связанъ, къ мѣсту привязанъ; выкупъ требуется большой.

Дружка подаль двугривенный; Василій, взявъ деньги, освободилъ мѣсто.

Татьяна запричитала:

Ужъ какъ Богъ судья тебѣ, милый братъ,
Не послушался моей просьбы великія;
Ты прельстился золотой казной
И чужими рѣчьми сладкими,
И ты продалъ меня, милый братъ,
На чужую дальнюю сторону,
Ко чужему ко чуженину.
Какъ на васъ теперь подруженьки,
Вся надежда моя крѣпкая,
Вы не выдайте родимые,
Горе-горькую сиротинушку!

Подруги со всѣхъ сторонъ окружили Татьяну. Самая бойкая и рѣчистая изъ нихъ Акулина Голубиха, заняла

рядомъ съ невѣстою только что освобожденное Василиемъ мѣсто.

— Милыя подруженьки! какъ васъ звать, какъ по отчеству величать? спросилъ опять дружка.

— Мы не помнимъ—какъ родились, какъ крестились; давали намъ имя пошъ Вавило, оно за нимъ по водѣ ушло, и потому не знаемъ какъ насъ зовутъ.

— Позвольте, милыя подруженьки нашему князю молодому посидѣть рядомъ за столомъ съ вашей княгиней молодой.

— Что это, Василий Пантелеевичъ, за гости понаѣхали незванные? или изъ Питера *питеряне*, съ Москвы *москвитяне*, вашему дому разорители! Сведи ихъ пожалуйста къ лѣсовику: у него дворъ *кутной*, овесъ крупной, сѣно-малина, по сажени долина; тамъ лошадямъ дадутъ корму въ корзинѣ, а имъ шей въ черепинѣ, ложки положить берестяныя, проговорила въ одинъ духъ Голубиха и жеманно поклонилась.

— Милыя подруженьки! мы пріѣхали не изъ Питера—питеряне, не изъ Москвы—москвитяне, и вашему дому не разорители: а по слову, по рукобилью нашего князя молодого дружки—вѣрные служки, значить—не сами собой.

— Удалий друженька! подика-ты въ чистое поле, въ широкое раздолье: тамъ стоитъ на оврагѣ избушка, два кола вбиты, бороной покрыты, стѣны вичныя, печи кирпичныя; тамъ сидитъ котъ съ хвостомъ, ты отдай ему поклонъ, да тогда съ нами и разговаривай!

— Милыя подруженьки! не такъ я простъ, чтобы сталъ чествовать кошачій хвостъ; а ужъ какъ вы не *кичитесь*, а на нашу просьбу согласитесь, тряхнувъ головой, съ поклономъ отвѣтить находчивый дружка.

— Удалий друженька! есть-ли что у васъ покраще краснаго солнышка, поевѣтлѣ свѣтлаго мѣсяца, поимилѣ отца матери? загнула Акулина.

— Есть! отвѣтилъ младшій дружка и положилъ на средину стола образъ и хлѣбъ, завернутый въ салфетку.

— Удалий друженька! есть-ли у васъ билеты?

— Есть! и дружка указалъ на платокъ, заткнутый за кушакъ.

— Удалий друженька! есть-ли у васъ конь вороной?

— Есть! и дружка, вытащивъ изъ кармана полунтофъ съ водкой, поднялъ его къ верху.

— Удалий друженька! есть-ли у васъ завертки?

— Есть, отвѣтилъ дружка и показалъ связку баранковъ.

— Удалий друженька! какой дорогой вы ѣхали: верхней, нижней или средней?

— Милыя подруженьки! верхней дорогой птицы летаютъ, нижней дорогой рыбы плаваютъ; а мы ѣхали средней, гдѣ всѣ добрые люди ѣздятъ.

— Удалий друженька! у нашей княгини молодой заплетена коса русая въ девяносто девять прядочекъ, на каждой прядочкѣ по девяносто девяти кисточекъ, у каждой кисточки по девяносто девяти ленточекъ, и что *степень*, то *рубень* — коса во сто рублей. Извольте все это выкупить!

— Это для нашего князя молодого стоитъ дешево! отвѣтилъ дружка и высыпалъ на столъ горсть мѣдныхъ денегъ.

— Изъ этого, возразила Акулина, указавъ на деньги, дѣлаютъ подковы для коней нашей княгини молодой. У нашей княгини молодой ушли въ сине море три корабля: одинъ съ серебромъ, другой съ золотомъ, а третій съ самоцвѣтными камнями.

— Да у нашего князя молодого тоже три корабля въ морѣ плаваютъ.

— Точно, правда, мы видѣли, только одинъ корабль съ отопками, другой охлопками, а третій съ гнилымъ табакомъ и ты ему, дружка, жожакомъ, и у твоего корабля на правило падину навалило, хлестко отчеканила Голубиха.

Дружка молча вынулъ изъ кармана мелкое серебро и высыпалъ на столъ.

— Это рыба чешуя, и у насъ есть такая; Голубиха высыпала тоже серебро на столъ.

Дружка вынулъ рублевую бумажку и положилъ ее къ серебру.

— Такихъ картинокъ у насъ много по стѣнамъ — наклеено.

Дружка положилъ на столъ старинную денежку.

— Вотъ это деньги — такъ деньги, сказала Акулина и взяла изъ дружкиныхъ денегъ одинъ бумажный рубль и денежку, а мѣдь и серебро дружка обобралъ снова въ свой карманъ.

— Удалие друженьки! что вамъ нужно: милая-ли наша подруженька или красная подушечка?

— Намъ нужно и то и другое: на красной подушечкѣ мы посидимъ, а милую подруженьку съ собой возьмемъ! Голубиха вышла изъ-за стола, а дружка ввелъ жениха и посадилъ рядомъ съ невѣстой.

Татьяна заголосила:

Мои милыя подруженьки,

Мои милыя любимыя:

Допустили вы, подруженьки,

До меня, до сиротинушки,

Вы чужаго да чуженина!

Такъ садись-же добрый молодецъ,

Не со спѣсью, не со гордостью,

А со Божьею милостью!

Ты бери-ко мою рученьку,

Ты бери-ко потихохоньку;

Ты не жми-ко праву рученьку

Къ перстениямъ своимъ злаченымъ!

По лѣвую сторону невѣсты сѣла пріѣхавшая съ женихомъ сваха. Обязанность эту на болѣе или менѣе извѣстныхъ свадьбахъ всегда исполняла въ Янгосорѣ Анисья Степановна,

ключница изъ господскаго села Бокова, широко извѣстная знаніемъ свадебныхъ обычаевъ, женщина умная и разсудительная, въ околоткѣ всеѣми уважаемая. Анисью Степановну почитали еще и потому, что она съ большимъ искусствомъ занималась повивальнымъ дѣломъ, значить надобность въ ней встрѣчалась чуть не въ каждомъ семействѣ. Къ чести приписать Анисѣ Степановнѣ,—что практику свою выполняла она совершенно безкорыстно, единственно изъ челоуѣколюбія.

Подруги Татьяны зашли:

Ты садись, сваха пріѣзжая,
Не со спѣсью, не со гордостью,
А со Божьею со милостью;
Ты снимай да потихохоньку
Съ головы ея платокъ цвѣтной,
Выплетай да полегохоньку
Изъ ея косы алу ленточку—
Ея честну дѣвью красоту;
Какъ въ ея да во русой косѣ
Есть два ножичка булатные:
Не обрѣжь, сваха пріѣзжая,
Ты ножами своихъ бѣлыхъ рукъ.

Сваха сняла платокъ, покрывавшій Татьяну, и сей-часъ-же покрыла ее своимъ платкомъ.

Женихъ взялъ руку невесты. Все жениховы поѣзжане выкупали деньгами и гостинцами мѣста у дѣвушекъ и разсѣлись кругомъ стола. Подружки отошли въ сторону и запричитали:

Ужъ ты, свѣтъ, наша голубушка,
Наша милая подруженька,
Дорогая ты Татьянушка!
Ты скажи-ка, не утай отъ насъ,
Что чужой-то доброй молодецъ
Не засѣлъ-ли цвѣтно платьице,

И не жметъ-ли руки правыя
Ко своимъ перстнямъ злаченымъ?

Невѣста отвѣчала:

Ужъ вы, свѣтъ, мои голубушки,

Мои милыя подруженьки,

Не могу теперь судачить я

На чужаго на чуженина:

Не присѣлъ онъ цвѣтна платьица

И не жметъ онъ руки правыя

Ко перстнямъ своимъ злаченымъ.

Подруги возразили ей:

Ужъ ты, свѣтъ, наша голубушка,

Наша милая подруженька!

Ужъ ты скоро обнадѣялась

На чужаго на чуженина,

На чужа сына отцовскаго;

Ужъ ты скоро расположилась

На его рѣчи на сладкія

На его да на коварныя!

Невѣста не отвѣтила подругамъ. Она перестала причитывать и молча сидѣла за столомъ. Тогда дѣвушки запѣли:

Ты воскликни, лебедь бѣлая,

Ты весною на проталинкѣ;

Ты восплачь наша голубушка,

Наша милая подруженька,

За дубовымъ столомъ сидючи.

Али плакать тебѣ не о чемъ?

Причитать-ли тебѣ нечего?

У тебя-ли горя нѣту-ти?

У тебя, наша голубушка,

Нѣтъ родимаго батюшки

И родимой милой матушки;

На твоей на свадьбѣ горькой,

На твоей да на сиротской,

Не стоит родимый батюшка

Со твоей-то милой матушкой

У стола да у дубоваго

И не подчуют дорогихъ гостей.

Татьяна обратилась къ дядѣ и теткѣ:

Ужъ ты, свѣтъ, родимый дядюшка

И кормилица моя тетушка!

Я о чемъ буду просить тебя,

По низку да буду кланяться:

Ужъ ты подчуй дорогихъ гостей,

Не жалѣй имъ зелена вина

Чтобы пили да позанили,

Меня бѣдную позабыли

На своей да на родной странѣ,

У своего да роду племени.

Началось столованье, въ продолженіи котораго дѣвушки пѣли обыкновенныя подблюдныя пѣсни. Мужчины-же и почетные гости съ жениховой стороны прохаживались болѣе на счетъ выпивки. Пора ѣхать къ вѣнцу. Старшая подружка, Акулина Голубиха, и братъ Василій вывели невѣсту изъ-за стола и поставили передъ образами. Послѣ трехъ крестныхъ поклоновъ, Голубиха подвела Татьяну къ дядѣ и теткѣ—еще разъ, и уже въ послѣдній, подъ благословеніе.

— Государь, дядюшка, Пантелей Прокопьевичъ и государыня, тетушка, Наталья Карповна! какъ вы умѣли свое чадо богоданное воспитать, сохранить и вырастить, сказала Голубиха съ низкимъ поклономъ, то теперь это чадо милое, сиротское, стоитъ передъ вами, какъ листъ передъ травой и просить прощенья и благословенья. Простите и благословите ее, вмѣсто отца съ матерью, въ путь-дорогу ѣхать подъ красное солнышко, подъ частыя звѣзды, подъ свѣтлый мѣсяцъ, чтобъ чисто, непорочно въ церковь Божью стать, златъ вѣнецъ пріять, чуденъ крестъ

поцѣловать, съ своимъ суженымъ сочетаться въ радости въ Божьей милости, въ душевномъ спасеніи.

Татьяна пала въ ноги диди и тетки; они благословили ее образомъ и хлѣбомъ съ солью.

Затѣмъ невеста подведена была съ такимъ же обращеніемъ подъ благословеніе къ гостямъ званымъ-бранымъ, къ сосѣдямъ-сосѣдушкамъ и сосѣднимъ малымъ дѣтушкамъ.

Послѣ окончанія церемоніи съ благословеніемъ, старшій дружка взялъ невесту за руку и, подведя ее къ жениху, проговорилъ:

— Вотъ тебѣ, Иванъ Наумчъ, суженая твоя Татьяна: не пускай ее ни за ситомъ, ни за рѣшетомъ, ни за копыломъ, ни за помеломъ, а держи дома.

Иванъ три раза повернулъ свою невесту на одномъ мѣстѣ и поцѣловалъ. Еще разъ Пантелей поднесъ всѣмъ поѣзжанамъ, гостямъ и присутствующимъ водки. Подружки одѣли невесту въ шубу и повели изъ избы съ извѣстною свадебною пѣсней:

Отставала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединаго;
Приставала лебедь бѣлая
Что ко стаду-то сѣрыхъ гусей.

Поѣздъ двинулся къ церкви; въ деревняхъ, черезъ которыя надо было ѣхать, свадьбу останавливали толпы народа и требовали *кроманаго*; надо было покупать пропускъ пряниками, баранками и водкою. Все это бойко и умѣло справляли дружки.

Отъ вѣнца ѣхали молодые уже вмѣстѣ, рядышкомъ, въ одиѣхъ санихъ. Въ домъ Татьяну ввелъ младшій дружка, а Ивана—старшій. Въ сѣняхъ встрѣтилъ молодыхъ Наумъ съ образомъ, а мать Ивана—съ рѣшетомъ, наполненнымъ рожью. Молодые поклонились отцу и матери въ ноги,

причемъ Наумъ осѣнилъ ихъ иконой, а мать осыпала рожью. При входѣ молодыхъ въ избу, сваха разметала передъ ними вѣникомъ дорогу, усердно хлеща ихъ по погамъ.

Ивана и Татьяну усадили за княжой столъ, и пошло затѣмъ безпашанное пиrowанье. До глубокой ночи проведено было время въ ѣдѣ, питьѣ, пѣсняхъ и пляскѣ.

На другой день утромъ, когда собрались къ Науму гости, участвующіе въ поѣздѣ и родственники жениха, молодая по чину и степени раздавала дары, надъ которыми „не спала, не дремала, тонко прiała, звонко ткала, бѣло бѣлила“. Подарки большею частію состояли изъ полотенецъ, платковъ, матерій на платье, рубашки, кофты и проч.

Кончилась свадьба; съ нею кончились и все радости Татьяны. На слѣдующей же недѣлѣ Иванъ побилъ ее, привязавшись къ какимъ-то пустякамъ. Онъ метилъ ей, ничѣмъ невиновой, за разлуку съ Дашей. И потянулись безконечной вереницей для несчастной женщины сѣреніе деньки однообразно и безотраднo. Ворчитъ съ утра до вечера свекровь на нелюбимую неvěтку: ничѣмъ она угодить на нее не можетъ; угрюмъ въ обхожденіи свекоръ: замучилъ ее и на домашней, и на напольной работѣ. Воротится мужъ изъ города пьяный, шумно вломится въ избу, важно сядетъ на лавку; онъ теперь командиръ и властелинъ, у него есть раба—жена его.

— Ей, Татьяна! А что пога говорить? кричитъ онъ во все горло.

— Кланяться велитъ, Иванъ Наумычъ! робко отвѣчаетъ Татьяна и валится въ ноги мужа.

— Разувай!

Что—Даша? такъ и засѣла она въ дѣвкахъ; да Иванъ и не оставлялъ прежнихъ съ нею отношеній. Нерѣдко по веснамъ хаживалъ онъ и на Волчій-Лобъ вмѣстѣ съ холостой молодежью на гулянки, и хоть не пристало жена-

тому играть *заяньку*, но въ пылу увлеченія не утерпѣть и бывало заугаристый парень, чтобъ не отхватить по *шировья* пѣсни отчаяннаго тренака и „на посикъ и на пятку, и въ раскидку и въ присядку“.

А по закатъ солнца, Даша уже съ нимъ коротает времячко въ укромномъ мѣстечкѣ.

А хмблевая ночь темнѣй, да темнѣй; въ дышащемъ истомой и нѣгой воздухъ—тише, да тише: ни звуковъ, ни голосовъ—все заснуло. Лишь не спитесь въ такіа ночи бѣдной страдалицѣ Татьянѣ, ожидающей своего гуляку—мужа.

Ф. Арсеньевъ.

6-ю Августа 1879 г.

Новое.

тому играть *заяньк*
 бывало заугаристый
шровья пѣсни отча
 пятку, и въ раскид

А по закатъ солв
 времячко въ укромо

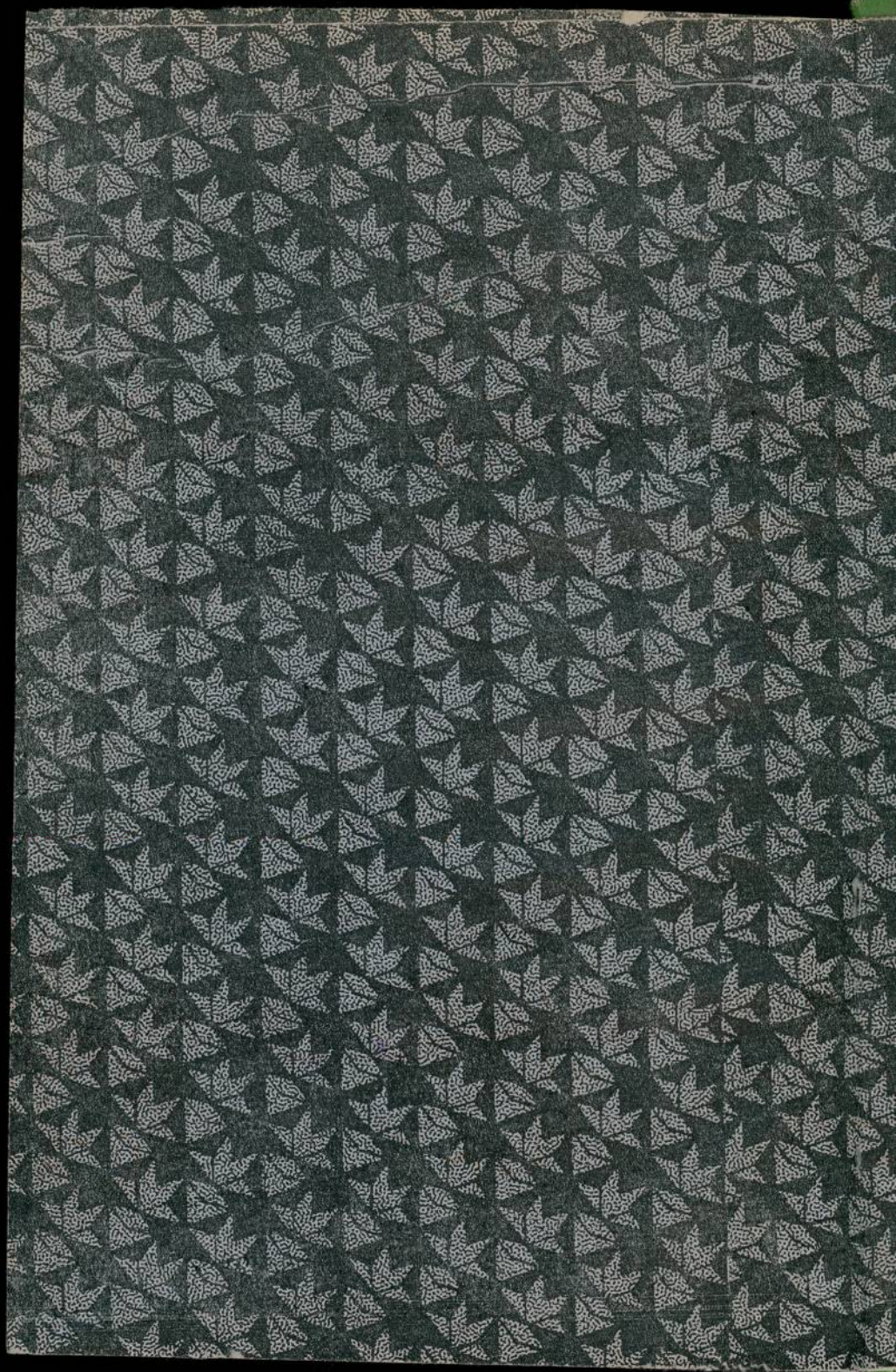
А хмѣлевая ночк
 истомой и нѣгой во
 ни голосовъ—все за
 бѣдной страдалицѣ
 мужа.

Книжный памя
 Рег. № 3999
 БОУНБ

6-ю Августа 18
 Новое.

76